

УДК: 82.091

НЕРАЗГАДАННЫЙ СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Мешков Валерий Алексеевич,

кандидат технических наук,
член редколлегии газеты «Обозрение крымских дел» (Евпатория),
297406, РФ, Республика Крым, г. Евпатория, ул. Демышева, 100а,
тел. +7 978 923 57 86, e-mail: M25V02A1948@yandex.ru

Жизнь и творчество Сергея Есенина (1895–1925) представляют уникальное явление в российской истории, культуре и литературе. В последние годы открылись новые свидетельства и документы, не только не вписывающиеся в официальную версию самоубийства поэта, но и убедительно подтверждающие ее несостоятельность и логически приводящие к заключению об убийстве. Основная причина этой версии видится в желании принизить поэта как человека, отстаивавшего право на личную свободу, свободу творчества и политических убеждений в нарождавшемся тоталитарном «социалистическом» обществе. Вместе с тем, советское литературоведение старалось создать образ Есенина, принявшего советскую власть и решившего ей служить. Такой ненаучный подход в литературоведении, т. е. не поиск истины, а стремление угодить идеологическим установкам своего времени, привел и к ложной трактовке многих эпизодов жизни и творчества Есенина.

В статье приведен ряд примеров, доказывающих эти положения. Показано, что при кажущейся простоте личности и произведений Есенина, не так просто через накопившиеся горы клеветы, выдумки и лжи добраться до «истинного Есенина» как в понимании его личности, так и в понимании его творчества на фоне ушедшей эпохи в ее современной объективной оценке.

Ключевые слова: альтернатива, фальсифицированный образ, самоубийца, убийство, Нерон, большевик, комсомол, Байрон, талант.

Сергей Есенин (1895–1925), его жизнь и творчество представляют уникальное явление в российской истории, культуре и литературе. Интерес к нему с годами не только не угасает, но и периодически вспыхивает с новой силой. Наиболее острая дискуссия в последние годы ведется по поводу обстоятельств его гибели.

В последние десятилетия открылись новые свидетельства и документы, не только не вписывающиеся в официальную версию самоубийства поэта, но и убедительно подтверждающие ее несостоятельность и

как альтернативу логически приводящие к заключению об убийстве [4], [5]. Недавно выявлен отчетливый «сталинский след» в преступлении против Есенина, с характерным для подобных нераскрытых преступлений «сталинским почерком» [6]. Однако существует огромная сила инерции как официальных властных учреждений, так и официальных учреждений культуры, не позволяющая провести объективное расследование в рамках современного законодательства.

В результате мы до сих пор имеем в публикациях, изданиях и СМИ ложный, фальсифицированный образ Есенина—самоубийцы, многие десятилетия сталинского, советского и даже постсоветского режима насаждаемый всеми силами государственной машины. Основная причина видится в желании принизить поэта как человека, отстаивавшего право на личную свободу, свободу творчества и политических убеждений в нарождавшемся в 1920–х годах тоталитарном «социалистическом» обществе.

Свидетельства тому, что поэт во многом не принимал негативные тенденции, связанные с этим, теперь открылись, в то время как советское литературоведение старалось создать образ Есенина, принявшего советскую власть и решившего ей служить.

Такой ненаучный подход в литературоведении, т. е. не поиск истины, а стремление угодить идеологическим установкам своего времени, привел и к ложной трактовке многих эпизодов жизни и творчества Есенина. При этом осознанно или неосознанно принижалась именно личность Есенина, и в результате мы имеем ложный образ человека, множество фальшивых и фальсифицированных «воспоминаний», биографические и литературоведческие труды, ложно трактующие события жизни и поступки поэта.

Далее представим несколько примеров, связанных с творчеством Есенина. Один из самых известных дореволюционных эпизодов, рассказываемых в литературе о Есенине, произошел в 1916 году. По поводу издания литературных альманахов у М. П. Мурашева, знакомого Есенина, собрались заинтересованные люди. Как вспоминал хозяин вечера:

«Все собрались. Пришел Есенин. Ждали Блока, но он почему-то запаздывал. <...> пришел художник Н., только что вернувшийся из-за границы, откуда он привез мне в подарок репродукцию с картины Яна Стыки «Пожар Рима». Эта картина вызвала такие споры, что пришлось давать высказываться по очереди. Причиной споров была центральная фигура картины, стоящая на крыше дворца с лирой в руках, окруженная прекрасными женщинами и не менее красивыми мужчинами, любующимися огненной стихией и прислушивающимися к воплям и сто-

нам своего народа. Горячо высказывались писатели, возмущенно клеймили того, кто совмещал поэзию с пытками. Есенин молчал. <...>

Обратились к Есенину и попросили высказаться.

– Не найти слов ни для оправдания, ни для обвинения – судить трудно, – тихо сказал Есенин.

<...> Сергей Есенин подошел к письменному столу, взял альбом и быстро, без помарок написал следующее стихотворение:

Сергей Есенин

16 г. 3 июля.

Слушай, поганое сердце,

Сердце собачье мое.

Я на тебя, как на вора,

Спрятал в руках лезвие.

Рано ли, поздно всажу я

В ребра холодную сталь.

Нет, не могу я стремиться

В вечную гнивишую даль.

Пусть поглупее болтают,

Что их загрызла мета;

Если и есть что на свете –

Это одна пустота.

Прим(ечание). Влияние «Сомнения» Глинки и рисунка «Нерон, поджигающий Рим». С. Е.».

Как видно, это сильно озадачило присутствующих и мемуариста: «Я был поражен содержанием стихотворения. Мне оно казалось страшным, и я тут же спросил его:

– Сергей, что это значит?

– То, что я чувствую, – ответил он с лукавой улыбкой».

Эта история имела продолжение:

«Через 10 дней состоялось деловое редакционное совещание, на котором присутствовал А. Блок. Был и Сергей Есенин.

Я рассказал Блоку о прошлом вечере, о наших спорах и показал стихотворение Есенина.

Блок медленно читал это стихотворение, очевидно и не раз, а затем покачал головой, подозвал к себе Сергея и спросил:

– Сергей Александрович, вы серьезно это написали или под впечатлением музыки?

- Seriously, – чуть слышно ответил Есенин.
- Тогда я вам отвечу, – вкрадчиво сказал Блок.

На другой странице этого же альбома Александр Александрович написал ответ Есенину – отрывок из поэмы «Возмездие», над которой в то время работал и которая еще нигде не была напечатана...» [7, 193–195].

ИЗ ПОЭМЫ «ВОЗМЕЗДИЕ»

*Жизнь – без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами – сумрак неминуемый,
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты.
Твой взгляд – да будет тверд и ясен,
Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен.*

Александр Блок.

13.VII–1916 г.»

Очевидно, мемуарист посчитал, что А. Блок «преподал урок» молодому поэту, как надо смотреть на жизнь и на искусство. К тому же, оба они восприняли экспромт Есенина, как выражающий чувства самого поэта. Но так ли это?

Ведь часто допускается ошибка, как читателями, так и опытными критиками и рецензентами, когда произведения, написанные от первого лица, отождествляются с монологом автора. Никто не понял, не разгадал, что стихотворение отражает внутренний монолог Нерона (как его представил себе поэт), а не Есенина.

С одной стороны, все очевидцы создания этих стихов не допускали мысли, что Есенин способен на такой поэтический «высший пилотаж». С другой – обнаруживаются пробелы в их художественном и литературном образовании. Но Есенин никогда не объяснял своих произведений. В противном случае он поставил бы в неловкое положение и Блока, и всех остальных.

Причина в том, что упомянутая картина польского художника Я. Стыки является фрагментом его панорамы из 15 картин по мотивам романа «Quo Vadis» Генрика Сенкевича (1901 г.). В 1902 году панорама

ма впервые была показана в Варшаве, а в 1903 и 1906 гг. – в Москве. Знал ли Есенин это произведение (он в это время обучался в народном университете Шанявского), или он знал историю Нерона, сказать наверняка сложно. Нерон, вошедший в историю своими жестокими гонениями и казнями христиан, покончил жизнь самоубийством ударом меча в грудь (по другим сведениям – в шею¹). Существует другая картина Я. Стыки «Смерть Нерона», отражающая лежащего тирана с небольшим мечом в груди.

Сопоставляя обе картины с экспромтом Есенина, мы теперь ясно видим, что стихи отражают «внутренний монолог» Нерона. Но как Есенин за несколько минут сумел ощутить себя в «шкуре» тирана? Было это знание истории или поразительное художественное чутье? Видел ли он вторую картину Я. Стыки? Разгадать это мы вряд ли уже сможем...

Характерно, что, несмотря на явное стремление А. Блока выступить в роли «наставника» молодого поэта, Есенин никогда не называл его своим учителем. Поэты из народа Клюев, Есенин и другие ощущали со стороны Блока и других «образованных и интеллигентных» поэтов обычно дворянского сословия отношение к ним как «младшим братьям» в лучшем случае, а в худшем – как к низшему сословию в поэзии.

Об этом сохранились письма. Поэт Н. Клюев писал Блоку еще в 1911 году: «Ясно, что такие люди, как я, для Вас могут быть лишь материалом, натурой для Ваших литературных операций, но ни в коем случае не могут быть близкими, братьями» [1, 509].

Есенин через год после эпизода с картиной, в письме к поэту Ширяеву так оценивал ситуацию: «Бог с ними, этими питерскими литераторами <...> Об отношениях их к нам судить нечего, они совсем с нами разные, и мне кажется, что сидят гораздо мельче нашей крестьянской купницы. <...> Да, брат, сближение наше с ними невозможно.

¹ Заключительные строки романа Сенкевича: «Нерон приставил к шее нож, но дрожащей своей рукой он мог лишь слегка уколоть, и было очевидно, что вонзить острое он не решится. Тут Эпафродит вдруг толкнул его руку, и нож погрузился по рукоятку, – глаза Нерона вмиг выкатились из орбит, огромные, страшные, полные ужаса.

– Я несу тебе жизнь! – вскричал, входя, центурион.

– Слишком поздно, – хриплым голосом ответил Нерон.

Потом прибавил:

– Вот она, верность!

В одно мгновение лицо его застыло. Кровь из толстой шеи лилась черной струей на садовые цветы. Ноги, дергаясь, несколько раз ударили по земле – и он скончался.

Верная Акта поутру обернула его тело дорогими тканями и сожгла на костре, обильно посыпанном благовониями» [8, 421].

Ведь даже самый лучший из них, Белинский, говоря о Кольцове, писал «мы», «самоучка», «низший слой» и др., а эти еще дурее.

Но есть, брат, среди них один человек, перед которым я не лгал, не выдумывал себя и не подкладывал, как всем другим, это Разумник Иванов. Натура его глубокая и твердая, мыслью он прожжен, и вот у него-то я сам, сам Сергей Есенин, и отдыхаю, и вижу себя, и зажигаюсь об себя.

На остальных же просто смотреть не хочется, с ними нужно не сблизиться, а обтесывать, как какую-нибудь плоскую доску, и выводить на ней узоры, какие тебе хочется. Таков и Блок, таков Городецкий, и все и весь их легион» (Е VI, 94–96).*

Это значит, что Есенин был далеко не так прост, как представлялось литературной публике.

После революции, в июне 1918 года, Есенин создает маленькую поэму «Иорданская голубица», из которой критики и литературоведы обычно выдергивают строчки:

*Небо – как колокол,
Месяц – язык,
Мать моя родина,
Я – большевик.*

Произведение посчитали «революционной поэмой» и даже опубликовали в «Известиях ВЦИК». Сам Есенин большевиком никогда не был, он одно время был в эсеровской партии. Но прочтем последующие строки:

*Ради вселенского
Братства людей
Радуюсь песней я
Смерти твоей.*

*Крепкий и сильный,
На гибель твою,
В колокол синий
Я месяцем бью.*

*Братья–миряне,
Вам моя песнь.
Слышу в тумане я
Светлую весть.*

Если осмыслить эти строчки, то опять же олицетворять Есенина с героем поэмы нет никаких оснований. Здесь скорее ирония и скрытая сатира на идеи большевиков и их исполнителей. Они радуются гибели своей «родины–Матери», т. е. прежней России, «ради» утопического «вселенского братства людей». А какую же светлую весть им принесла «голубица»?

Раз предстоит «гибель родины», то будет и много жертв, а «голубица» приносит весть, что рай существует, и поэтому:

*Братья мои, люди, люди!
Все мы, все когда-нибудь
В тех благих селеньях будем,
Где протоптан Млечный Путь.
Не жалейте же ушедших,
Уходящих каждый час, –
Там на ландышах расцветших
Лучше, чем в полях у нас.*

Среди пролеткультовцев были высказывания в духе: «Неприятно поражает стихотворение Есенина «Иорданская голубица», где поэт, называя себя большевиком, говорит нам о борцах, убитых на своем посту. Черт возьми, да ведь такое стихотворение понижает нашу волю к победе! Зачем нам бороться за социализм, когда там на небе лучше, чем на земле у нас?». Но фактически весь советский период критики, ухватившись за строку «о большевике» утверждали, а многие утверждают и сегодня: «Из этого можно заключить, что поэт считает себя певцом революционной современности» <газ. «Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов». 1920, 24 мая, № 111> (Е II, 339).

При этом ни иронии, ни сарказма в есенинских строчках никто так и не разгадал, ведь «каша» из религиозных и утопических воззрений была в голове у подавляющего большинства населения!

Находясь на Кавказе, Есенин в ноябре 1924 года пишет маленькую поэму «Русь уходящая», где сразу внимание читателей и критиков обратили строчки:

*Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении веселом!
Знать, оттого так хочется и мне,*

*Здрав штаны,
Бежать за комсомолом.*

В комментариях к ПСС Есенина об этом говорится: «Этот своего рода рефрен «Руси уходящей» не замедлил стать объектом внимания и читателей, и критики. За суждением о нем как о «жалобно-комически-трагическом» (В. З. Швейцер) последовали такие строки давнего друга Есенина С. Т. Конёнкова, написавшего С. А. Клычкову из Нью-Йорка 29 апреля 1925 года: «Если встретишься с Сережей Есениным, передай ему наш привет. Я читал, что он решил «здрав штаны, бежать за комсомолом». Для быстроты советую вмазать скипидару» <журн. «Новый мир», М., 1989, № 9, сентябрь, с. 198>». «Несколько месяцев спустя И. Т. Филиппов, посетовав, что Есенин «часто издевается над собой за свою отсталость, завидует, <...> что проглядел революцию» и т. п., резюмировал: «Но все это – дело поправимое, коли он всерьез собирается <...> «здрав штаны, бежать за комсомолом»» <журн. «Лава», Ростов–на–Дону, 1925, № 2/3, август (обл.: июль–август, с. 73)>». «Напротив, анонимный рецензент ленинградской «Красной газеты» высказался так: «На это как-то хочется ответить, что за комсомолом таким способом не бегают, тем более что политучеба кажется поэту скучной и неинтересной» <«Красная газета», веч. вып., Л., 1925, 28 июля, № 185; вырезка – Тетр. ГЛМ>» (Е II, 416–417).

Хотя те же критики причислили это произведение к «рифмованной политической биографии» Есенина, они не обратили внимания на строчки о «расколе в стране». А здесь содержится прямой намек на борьбу за власть между советскими вождями после смерти Ленина. В это время Сталин уже выдвигался на место наследника, оттесняя Троцкого.

Есенин, если и не был в ряду сторонников Троцкого, то все же его симпатии относились именно к нему, а в симпатиях к Сталину поэт никогда не был замечен.

Но при чем тут комсомол? Только ли здесь тоска по уходящей молодости человека, которому едва исполнилось 29 лет? Нет, здесь тоже политика. В этот период молодежь и многие комсомольцы² выступали с демонстрациями против гонений на Троцкого, и, по воспоминаниям, подобное Есенин наблюдал в Тифлисе из окна гостиницы.

Как свидетельствовал секретарь Сталина Бажанов, тогда даже четвертый секретарь ЦК комсомола посмел письменно выражать недовольство ЦК партии, «протестовал, ставил ЦК на вид, требовал, считал

² Известно, что Бухарин, ненавидевший Есенина и его творчество и близкий тогда к Сталину, отмечал, что комсомольцы часто под его «Азбукой коммунизма» прячут стихи Есенина.

политику ЦК ошибочной». Таким образом, Есенин выражал в стихах одобрение активной позиции комсомола в то время.

Однако вскоре партийная верхушка приняла меры, руководство комсомолом было разогнано, и был восстановлен порядок, что «комсомол – подсобная организация для воспитания юношества в коммунистическом духе, но ее члены и руководители еще не члены партии и никакого права на обсуждение политических проблем партии не имеют» [2].

За таким комсомолом Есенин уже следовать бы не захотел. Известно, что он не одобрял своих сестер, вступивших в комсомольскую организацию.

В стихотворении «Возвращение на родину» Есенин ярко отразил впечатления человека, после нескольких лет в других краях навестившего свое село. Его содержание вроде бы во всем понятно, и в этом случае его можно считать монологом самого автора. Кроме дважды повторенных строк (выделены курсивом – В. М.):

*Пришли соседи...
Женищина с ребенком.
Уже никто меня не узнает.
По-байроновски наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот.*

В комментариях к академическому ПСС Есенина сказано: «Казалось бы, конкретный литературный источник обозначен здесь самим автором (см. текст между 13–й и 14–й строфами «Песни первой» поэмы Д. Байрона «Паломничество Чайльд–Гарольда» – Байрон Д. Г. Соч. В 3–х тт. М., 1974, Т. 1, С. 151)» (Е II, 404). Однако, обратив внимание на особенности есенинского цитирования Байрона, критик Н. С. Ашукин (очерк «Песни–стихи», 1926) указал на более близкую параллель: «...песня «Последний день красы моей» является сильно искаженной переделкой стихотворения И. Козлова «Добрая ночь», в свою очередь являющегося вольным переводом отрывка из «Чайльд–Гарольда» Байрона («Проснется день, его краса утешит божий свет»). Интересно отметить, что, вероятно, отзвук строфы этого стихотворения–песни:

*Отцовский дом покинул я;
Травой он зарастет –
Собачка верная моя
Залает у ворот... –*

является строками стихотворения С. Есенина «Возвращение на родину» <следует цитата> «<Кр. нива, 1926, № 35, 29 августа, с. 19>. Далее указано, что «согласно Н. М. Ядринцеву, эту песню также называли «Собачка» и она была «самою любимою в острогах» (в его кн. «Русская община в тюрьме и ссылке», СПб., 1872, с. 109)» (Е II, 404).

Но все эти «параллели» не объясняют, что же могла делать собачка «по-байроновски»? Ведь не могла же она лаять по-байроновски? Т. е. разгадки, как собачка «встречает по-байроновски» у литературоведов и критиков не находим.

Разгадка же, по нашему мнению, здесь довольно простая, если вспомнить, что Байрон прихрамывал. В селе собака могла попасть под телегу, ей могли подбить лапу камнем мальчишки, в результате чего животное навсегда останется хромоногим, или колченогим³. Таким образом, здесь у Есенина гораздо сложнее аллюзии, чем представлялось, относящиеся не только и не столько к произведению Байрона, сколько к его физическому недостатку, перенесенному на другое существо.

Подобные примеры можно еще приумножить. При кажущейся простоте личности и произведений Есенина предстоит еще много потрудиться, чтобы через накопившиеся горы клеветы, выдумки и лжи добраться до «истинного Есенина» как в понимании его личности, так и в понимании его творчества на фоне ушедшей эпохи в ее современной объективной оценке.

В заключение приведем слова о поэте близко его знавшего человека, коммуниста и литератора А. К. Воронского: «Есенин был дальновиден и умен. Он никогда не был таким наивным ни в вопросах политической борьбы, ни в вопросах художественной жизни, каким он представлялся иным простакам. Он умел ориентироваться, схватывать нужное, он умел обобщать и делать выводы. И он был сметлив и смотрел гораздо дальше других своих поэтических сверстников. Он взвешивал и рассчитывал. Он легко добился успеха и признания не только благодаря своему мощному таланту, но и благодаря своему уму» [3, 73].

Насчет того, что успех дался Есенину «легко», можно поспорить. За огромным талантом стоял и огромный поэтический труд. По-настоящему Есенин и его творчество будут поняты и разгаданы, если ложь о Есенине—самоубийце будет навсегда изгнана из современного литературоведения и русистики.

³ Согласно словарю Даля, «колченогим» человека называют тогда, когда «одна нога короче или ступня выворочена, если берца кривы, ноги колесом, либо хером, кто ходит вперевалку, ковыляет».

Примечания

*Есенин С.А. Полн. собр. соч. В 7 т. М.: Наука: Голос, 1995–2002. Здесь и далее ссылки на Полное собрание сочинений С. А. Есенина приводятся в тексте статьи в круглых скобках с употреблением сокращения *Е.* и указанием номера тома и страницы.

Список литературы

1. Азадовский К.М. Письма Н. А. Клюева к Блоку // Александр Блок: Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92, кн. 4. М.: Наука, 1987. С. 427–523.

2. Бажанов Б.Г. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб.: Книгоиздательство «Всемирное слово», 1992. Режим доступа: <http://lib.ru/MEMUARY/BAZHANOW> (дата обращения 15.10.2014).

3. Воронский А.К. Памяти Есенина // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1986. С. 67–74.

4. Мешков В.А. Сомнений в убийстве Сергея Есенина уже нет // «Не умру я мой друг, никогда». Воспоминания, статьи, речи, интервью, документы об обстоятельствах гибели С.А. Есенина. Саратов: АйПиЭр Медиа, 2011. С. 437–450.

5. Мешков В.А. Убийство Есенина – преступление государства. Сергей Есенин: крымские страницы. Симферополь: Бизнес–Информ, 2013. 192 с.

6. Мешков В.А. Сергей Есенин и Михаил Фрунзе // Неизвестный М. В. Фрунзе. Межгосударственный сборник статей и материалов. Вып. 6. Иваново: Издательский дом «Референт», 2013. С. 19–53.

7. Мурашев М.П. Сергей Есенин // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1986. С. 187–197.

8. Сенкевич Г. Quo vadis // Собр. соч. В 9 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1985. 447 с.

UNDISCOVERED SERGEY YESENIN

Meshkov Valeriy Alekseevich,

*Ph.D. of Engineering Sciences,
member of the editorial board of the newspaper «Crimean Affairs Review»
(Evpatoria, Crimea Republic, Russia),
tel.: +7 978 923 57 86, e-mail: M25V02A1948@yandex.ru*

The life and works of Sergey Yesenin (1895–1925) are unique phenomena in Russian history, culture and literature. At last years it was find out many evidences and documents, not only added not in official version poet suicide, but convincingly confirmed its failure

and logically led to conclusion about assassination. Principal cause of the version is seen in wish to humiliate poet as a person, who defended his right for personal freedom, creative freedom and freedom of political convictions in arisen totalitarian «socialistic» society. All the same time soviet literary criticism aspire to create Yesenin image, as accepted soviet state power and decided to serve for it. That unscientific method of approach of literary criticism, i.e. not search of the truth, but striving to oblige for ideological directions its time, led to the false treatment for many episodes of the Yesenin's life and works.

In the article it is demonstrated a number of examples, proved these theses. It is come in sight, that at seeming simplicity of Yesenin's person and works, not so simple through accumulated mountings of the slanders, fictions and false, sift out «true Yesenin» as in understanding of his person, so as in understanding of his works at the passed epoch background in its contemporary objective estimation.

Keywords: *alternative, counterfeited image, self-murderer, assassination, Nero, Bolshevik, Komsomol, Byron, talent.*

References

1. Azadovsky K.M. Pisma N. A. Klyuyeva k Bloku [Letters by N. A. Klyuyev to the Blok] // Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniya. Literaturnoe nasledstvo [Alexander Blok: New materials and researches. Literary heritage]. Vol. 92, Book 4. Moscow, Nauka Publ., 1987. Pp. 427–523.
2. Bazhanov B.G. Vospominaniya byvshego sekretarya Stalina [Memories of the former Stalin's secretary]. St. Petersburg, The Printing house «Vsemirnoe slovo», 1992. Available at: <http://lib.ru/MEMUARY/BAZHANOW>, accessed 15.10.2014.
3. Voronsky A.K. Pamyati Yesenina [Sergey Yesenin in memoriam] // S. A. Yesenin v vospominaniyah sovremennikov. V dvuh tomah [S. A. Yesenin in the memoirs of contemporaries. In 2 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1986. Vol. 2. Pp. 67–74.
4. Meshkov V.A. Somneniy v ubyistve Sergeya Yesenina uzhe net [Doubts in the murder of Sergei Yesenin already there] // «Ne umru ya moy drug, nikogda». Vospominaniya, statyi, rechi, intervyyu, dokumenty ob obstoyatelstvakh gibeli S.A. Yesenina [«I shall not die my friend, never». Memories, articles, speeches, interviews, documents about the circumstances of death of S. A. Yesenin]. Saratov, AiPiEr Media Publ., 2011. Pp. 437–450.
5. Meshkov V.A. Ubiystvo Yesenina – prestupleniye gosudarstva. Sergey Yesenin: krymskiye stranicy [The killing of Yesenin is state crime. Sergei Yesenin: the Crimean pages]. Simferopol, Business–Inform Publ., 2013. 192 p.
6. Meshkov V.A. Sergey Yesenin i Mikhail Frunze [Sergei Yesenin and Mikhail Frunze] // Neizvesnyi M. V. Frunze. Mezhhgosudarstvennyi sbornik statey i materialov [Unidentified M. V. Frunze. Interstate collection of articles and materials]. Ivanovo, Publishing house «Referent», 2013. Vol. 6. Pp. 19–53.
7. Murashev M.P. Sergey Yesenin // S. A. Yesenin v vospominaniyah sovremennikov. V dvuh tomah [S. A. Yesenin in the memoirs of contemporaries. In 2 volumes]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1986. Vol. 1. Pp. 187–197.
8. Senkevich G. Quo vadis // Sobraniye sochineniy v devyati tomah [Works. In 9 volumes]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1985. Vol. 8. 447 p.